

СЕГОДНЯ все прогрессивное человечество отмечает 350-летие со дня рождения величайшего драматурга и актера, одного из основоположников реалистического комедийного театра Жана Батиста Мольера.

Человек удивительной судьбы и горячего сердца, он преданно служил искусству правды, бичевал пороки буржуазного общества, смеялся над глупцами и лицемерами...

Театр Мольера вошел в историю мировой драматургии как эталон острой, боевой сатиры. Крылатые слова из его бессмертных произведений не раз использовали в теоретических и публицистических выступлениях В. И. Ленин, многие известные деятели партии.

На десятки языков переведены сегодня пьесы Мольера, его произведения вошли в учебные программы школьников...

Мы отмечаем 350-летний юбилей великого мастера смеха и одновременно с этим — юбилей вечной молодости искусства, сражающегося за человека.

ВЕЛИКИЙ МУШКЕТЕР СМЕХА

СВЕЧА догорала. В полумраке комнаты стояла удивительная тишина.

Неожиданно скрипнула дверь, и в свете пламени, на секунду метнувшись в сторону, возникла фигура человека среднего роста с резкими и правильными чертами лица. Пышные кудри эlegantного парика, спадающие на плечи, который он не успел снять в прихожей, выдавали в нем одного из тех, для кого близость к королевскому двору не была обузой при появлении в любом уголке Парижа.

Он опустился на колени. Рядом с ним было покрытое белой простыней тело старода друга.

— Мольер... — почти беззвучно прошептали его губы.

Повинуясь какому-то странному чувству, человек встал и подошел ближе к высокой кровати. Невольное желание отбросить эту простыню, эту жуткую материя для того, чтобы убедиться — под ней не Он, а другой — в каком-то тумане выплывало в его голове.

Но внизу слышались голоса. Какие-то люди поднимались по лестнице, и, видимо, не желая быть замеченным, незнакомец сделал шаг назад...

Буало и Шапель, самые известные поэты Франции,

баснописец Лафонтен, актриса Арманда Бежар входили в комнату.

Его увидели и тоже узнали.

— Здравствуй, Пьер, — тихо сказал Лафонтен, — я вижу, ты успел сюда раньше нас...

— Я привез вам его портрет, — не отвечая на приветствие и обернувшись к Арманде, проговорил тот, которого называли Пьером.

Жена Мольера опустила глаза. Иметь работу руки Пьера Миньяра было почетным даже у великих людей страны. Но разве могла она сейчас думать об этом? Ведь в двух шагах от нее лежал тот, кто навеки подарил ей свое сердце, а Франции — от рыночных балаганов до роскошных королевских покоев — великий талант актера и драматурга. И все-таки его, Жана Батиста Мольера, предстояло везти на кладбище Святого Жозефа в тот самый дальний и заброшенный угол, где хоронят самоубийц и некрещеных детей!

Появилась служанка.

— Госпожа, пришли обойщики с улицы Святого Гонория. Они принесли цеховой флаг и непременно хотят, чтобы им не отказали в чести опустить его в могилу с гробом господина де Мольера...

И заметив какую-то заминку среди присутствующих, добавила:

— Ведь он и сам вышел из этого рабочего товарищества... Неожиданный резкий свист раздался за окном. Буало, быстро заглянув за занавеску,

подошел к Арманде и что-то шепнул ей на ухо. Присутствующие могли расслышать только одно слово: «...еретик». Но уже этого было достаточно, чтобы понять — у дома стали собираться те, кто хочет осквернить последний путь Мольера.

Религиозные фанатики, считающие актера еретиком, пришли к дому и ждали выноса гроба.

— Я спущусь к ним сам, — сказал Буало. — Думаю, что деньги на вино охладят их пыл...

А примерно через час появившиеся в доме священники объявили о том, что пора трогаться...

Так в сырой вечер 21 февраля 1673 года при свете факелов, которые несли многочисленные друзья и многочисленные поклонники его таланта, Жан Батист Мольер, великий комедиант Франции, отправлялся в свой последний путь.

...Мольер был зарыт на пятом футе парижской земли. На пятом? Да, ибо только на четыре фута вглубь простиралась земля, «освященная» католической церковью. «Еретику» места в ней не нашлось.

На его могиле не было цветов. Только сто вязынов приказала привезти сюда Арманда, чтобы, разводя огонь, могли греться здесь те, у кого никогда не было своего доброго очага.

II.

НО — умер ли Мольер? Галантный лстец, насмешник и проказник, гений с вечной улыбкой на губах и тяжелыми грустными глазами...

Умер ли тот, кто одним из первых в мире актеров и

драматургов своей жизнью воплотил слова великого Горация: «Что помещает мне, смеясь, говорить правду?»

«...Поскольку назначение комедии состоит в том, чтобы развлекать людей, исправляя их, я рассудил, что по роду своих занятий я не могу делать ничего более достойного, чем бичевать пороки моего века, выставляя их в смешном виде. А так как лицемерие есть, несомненно, один из самых распространенных, невыносимых и опасных пороков, то я, Ваше величество, решил, что окажу немалую услугу всем честным людям в Вашем королевстве, если сочиню коме-

Знал ли он, что иронией судьбы его «солнечная» биография сохранится до нашего времени только потому, что рядом с ней всегда будет гореть звезда Мольера...

III.

12 ИЮЛЯ 1919 ГОДА в Петрограде в Гербовом зале бывшего Зимнего дворца было тесно. Балтийские моряки, солдаты, рабочие, интеллигенты, принявшие Октябрь, пришли

сюда, чтобы увидеть первое представление Народного театра молодой Страны Советов. Это была знаменитая комедия Мольера «Лекарь поневоле».

С первых же лет революции произведения великого француза вошли в репертуар советских театров. «Лекарь поневоле» и «Плутни Скапена» великолепно принимались аудиторией рабочих и деревенских клубов, по фронтам гражданской войны с ними разъезжали красные агитколлективы. В 1922 году с «Дон Жуаном» сенсационно выступил Всеволод Мейерхольд. «Школа мужей», «Скупой» не сходили со сцены Малого театра...

Какова же была причина столь блистательного успеха драматурга, работавшего над этими вещами три века назад?

Все объяснялось очень просто. Герои Мольера по своему духу, по своей простоте и незатейливости были удивительно близки простым людям. И если в давние времена веселые проделки слуг и служанок воспринимались не больше чем юмористические сценки, то в условиях новой действительности человек из народа становился как бы обличителем пороков прошлого. Именно таким типичным буржуа выглядел в мейерхольдовской постановке распутник-лицемер Дон Жуан, а в негодяе Тартюфе каждый узнавал черты современных прохвостов и демагогов...

Безжалостный смех Мольера по-прежнему был современен и остр. Правда, находились режиссеры, которые пытались вульгаризировать постановки некоторых комедий — иногда это шло от непонимания задач современного театра, иногда от непонимания сути мольеровских вещей. Но так или иначе, — не они делали погоду на советской сцене.

Шли годы. И ни разу Мольер не исчезал из репертуара наших театров! Как великий мастер, он щедро давал возможности находить в его произведениях всегда что-то актуальное, злободневное. Режиссеры разных поколений, разных творческих почерков с удовольствием брались за постановки «Мещанина во дворянстве», «Тартюфа» и многих других вещей. Придите сегодня в московский театр имени Евг. Вахтангова или в Драматический и комедии на Таганку, и вы увидите Мольера сегодняшнего дня...

На десятках языков народов нашей многонациональной Родины говорят его герои, и шуткам Скапена, остроумию Сганареля — всем добрым и важным людям — аплодируют зрители в театрах самых разных уголков страны. Да что — страны... всего мира!

Так умер ли он? Так умер ли тот, кого похоронили как еретика и возмущителя, как врага общества неуж и холоуев?!

Нет, Мольер жив! И он не умрет до тех пор, пока на земле будет жить удивительное слово — искусство. Пусть те, кто силен и лицемерен, были в недоумении — как?! — задавленный трудностями и неудачами, порой без меда в кармане, актер выходил на сцену и заставлял свое лицо светиться великолепной улыбкой. Он смеялся над своими жизненными невзгодами, над графами и королями, над своей старостью... Смейся же, смеялся по-прежнему над всеми пороками человеческими, молодой, трехсотпятидесятилетний!

В. АМУРСКИЙ.

ВЕЩА ДО ГОРА
ТАБЕТА
МОСКВА
15 ЯНВ 1972